

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГИОНЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Козлов А.П.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема угроз национальной безопасности России на Северном Кавказе, связанных с ростом политизации этноконфессиональной идентичности. Анализ этнополитической обстановки в данном регионе показывает, что там сохраняется нестабильность, вызванная недовольством властью и сепаратистскими настроениями у определенной части населения. Изучение этнического, конфессионального и общегражданского самосознания жителей Северного Кавказа приводит к выводу о высоком уровне политизации этничности, а также ослаблении общегражданской идентичности и усилении этноконфессиональной. Делается вывод о распространении исламского фундаментализма как угрозе национальной безопасности России.

Ключевые слова: обеспечение национальной безопасности, этнополитическая идентичность, угрозы национальной безопасности РФ на Северном Кавказе.

POLITICAL PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS

A. Kozlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problem of threats to Russia's national security in the North Caucasus. They are connected with the growing politicization of ethno-confessional identity. The analysis of the ethnopolitical situation in this region shows that there is still instability caused by discontent with power and separatist sentiments among a certain part of the population. The study of the ethnic, confessional and civil self-awareness of the inhabitants of the North Caucasus results in the conclusion that the level of politicization of ethnicity is high. Besides, the general civil identity is weakened, while the ethnic-confessional identity is strengthened. It is concluded that the spread of Islamic fundamentalism as a threat to Russia's national security.

Key words: national security, ethnic and political identity, threat to Russia's national security in the North Caucasus.

Политические проблемы обеспечения национальной безопасности многократно изучались отечественными и зарубежными исследователями. Широко

известность получили работы таких ученых, как Г. Моргентхау [9], С. Хантингтон [13], Дж. Най [11]. Среди отечественных ученых, изучающих проблемы национальной безопасности, следует отметить И.К. Харичкина [14], В.Г. Бурлова [3] и ряд других. Особенно следует выделить труды И. Добаева, изучающего проблемы терроризма на Северном Кавказе [5], весьма актуальные в связи с растущей угрозой международного терроризма.

Исследованию потенциальных угроз национальной безопасности Российской Федерации в регионе Северного Кавказа посвящена и настоящая статья. С точки зрения автора, для достижения поставленной цели необходимо решить задачи:

- проанализировать этнополитическую обстановку на Северном Кавказе;
- проанализировать степень политизации этничности в республиках Северного Кавказа;
- выявить проблемы мобилизации фундаментальных течений в регионе как угрозы национальной безопасности России.

Северный Кавказ исторически является одним из регионов России, в жизни населения которого ислам всегда играл ключевую роль в этноконфессиональных отношениях. Последние двадцать лет в регионе наблюдается возрождение ислама, что подтверждается увеличением числа практикующих мусульман, строительством новых и реставрацией старых культовых сооружений, а также расширением системы образования религиозного характера. Активно утверждается в регионе религиозная общность в повседневных социальных отношениях.

Исследователь исламской религиозности А. Малашенко отмечает усиление влияния ислама в регионе Северного Кавказа не только на духовно-нравственные, но также на этнополитические и социокультурные отношения [18]. В то же время бурный процесс исламизации в регионе отличается целым рядом особенностей, среди которых особенно ярко проявляется раскол мусульман на два течения – традиционалистский и фундаменталистский ислам. Основу противоборства данных направлений составляют концептуально-идеологические разногласия. Так, если традиционалисты выступают за сохранение и развитие ислама в том виде, в каком он сложился в данном регионе за множество столетий, то фундаменталисты ратуют за возврат к так называемому «чистому», то есть первозданному исламу и перестройке общественных отношений на основе его ценностей и норм. Для того, чтобы нивелировать данный конфликт одной из сторон пришлось бы полностью сдать свои позиции, однако такой вариант вряд ли возможен – во всяком случае, в ближайшей перспективе. В расколотом состоянии ислам на Северном Кавказе несет в себе огромный конфликтный потенциал для групп населения, идентифицирующих себя с тем или другим его направлением.

Религиозная идентичность может быть определена как устойчивое самосознание, основанное на чувстве принадлежности к той или иной конфессии. Исследователями отмечено, что «религиозно-мировоззренческий компонент играет важную роль» в формировании национально-гражданской и национально-этнической

идентичности [10, с. 37]. Данный тип идентичности находит свое отражение в ценностно-ориентационном блоке конфессионального мировоззрения, в принятии правил и норм религиозного сообщества, символики, а также в активном участии в деятельности религиозной общины. В регионе Северного Кавказа религиозная идентичность не может быть предписана, так как она постоянно находится в состоянии конструирования в результате целенаправленного воздействия политических субъектов и состоит из историко-культурных традиций и менталитета [18]. Формирование идентичности происходит не только на уровне индивидуального, но и на уровне группового самосознания.

Политический контекст религиозная идентичность приобретает в том случае, если в сообществе верующих возникает необходимость в дополнительной артикуляции своих интересов, когда формальные институты представительства не функционируют достаточно эффективно. Религиозная идентичность позволяет поддерживать высокую мобилизацию самых различных социальных групп, обеспечивая их политический статус. Эксперты отмечают также возможности как стихийного формирования религиозной идентичности на уровне индивидуального сознания, так и целенаправленного воздействия политической элиты с целью мобилизации человеческих ресурсов. В последнем случае религиозная идентичность формируется местными и региональными элитами, священнослужителями, активистами общественных движений, представителями интеллигенции в СМИ и общественных организациях [1, с. 27]. При

целенаправленном формировании религиозная идентичность используется элитами как механизм укрепления своих властных позиций. По определению И.С. Семененко, «политическое использование идентичности стало неотъемлемой частью современного властного дискурса» [12, с. 92].

С этих позиций фундаменталистское направление ислама создает серьезное препятствие для интеграции мусульман в регионе Северного Кавказа, поскольку его представители заявляют о себе как о единственно верной трактовке ислама, единственной истинной религии. Фундаменталисты полагают, что ислам необходимо очистить от всех исторических и идеологических напластований, и к такой чистой истинной религии должны прийти не только мусульмане, но и все население Северного Кавказа [17]. Идеалом общественного устройства для фундаменталистов является эгалитаризм, который был представлен в раннем исламе, и именно этот аспект более всего привлекателен для многочисленных малоимущих слоев населения Северного Кавказа. Представители фундаментализма выступают за создание государства клерикального толка, где политическая и религиозная власть станет одним целым и будет сосредоточена в руках авторитетных мусульман. В культурном отношении данная форма ислама предполагает абсолютное доминирование религиозных ценностей и стереотипов не только в светской культуре, но и в этнических традициях, в сфере образования, в просвещении и в национальном искусстве народов Северного Кавказа.

Непримиримая ортодоксальность фундаментализма создает конфлик-

тогенный фон в регионе при условии того, что проводимые здесь реформы были непродуманными как со стороны центральных, так и местных властей и вызвали негативную реакцию со стороны населения [15]. Многие исследователи обращают внимание на диспропорцию между численностью исламских фундаменталистов и их политическим влиянием в силу притягательности идеологии для бедных слоев мусульманского населения и больших финансовых ресурсов [17]. В результате, как отмечают эксперты, фундаментализм в регионе набирает все больший политический вес, а традиционный ислам заметно утратил свои позиции за последние двадцать лет [16]. И именно по представителям такого – радикального – направления ислама часть россиян судит о данной религии и всех ее приверженцах, что создает дополнительную конфликтность [7, с. 124].

Причина высокой популярности фундаментализма кроется в том, что он дает возможность выразить гражданский протест для достаточно большой части населения Северного Кавказа, в особенности малоимущих слоев общества, против длительного кризиса в отношениях с властью [18]. Немалую роль в процессе утверждения исламского фундаментализма на Северном Кавказе играет клановая структура власти, которая не способствует формированию открытого представительства интересов большинства населения региона [19]. Определенная часть верующих начала в качестве формы гражданского протеста против коррупции, преступности и низкого уровня жизни склоняться к салафизму (суннитскому фундаментализму, отличающемуся от шиитского предпо-

чтением групповых форм активности, провозглашением халифата идеалом общественного и государственного устройства), а также к такому течению ислама, считающемуся сектой и используемому в качестве идеологического прикрытия радикальными группировками, как ваххабизм. Данная тенденция, в частности, отчетливо прослеживается в республике Дагестан, где только за первый квартал 2016 г. совершено 5 терактов, из которых предотвратить удалось только три [15]. Разумеется, фундаментализм нельзя рассматривать как приемлемую альтернативу традиционному направлению ислама, поскольку радикальные методы фундаменталистов только усугубляют конфликтную ситуацию. Однако в отсутствие иной, общегосударственной идеологии, единой для всей Российской Федерации, фундаментализм на Северном Кавказе является в настоящий момент единственной возможностью выражения гражданского протеста. Тем не менее, по оценкам экспертов, фундаментализм несовместим с этнокультурными различиями народов Северного Кавказа, что является главным препятствием для интеграции региона на основе ислама [15]. При этом необходимо понимать, что укрепление гражданской идентичности в данном регионе, то есть осознания его жителями себя в качестве граждан Российского государства, не означает ослабления религиозной и этнической идентичностей. Если гражданская идентичность должна быть всеобщей, то религиозные и этнические формы идентичности будут дифференцироваться в зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности каждого.

Причины возрождения фундаментализма на Северном Кавказе кроются в исторических предпосылках формирования идентичности населения региона. После распада СССР произошла архаизация общества на Северном Кавказе, породив несколько негативных тенденций, в числе которых оказалось активное использование конфессионального фактора с целью политической мобилизации в направлении сепаратизма и экстремизма, что и привело в итоге ко включению религиозной идентичности в политический процесс. К концу 1990-х гг. политизация религиозности на Северном Кавказе резко усилилась по сравнению с этничностью.

На фоне постсоветских реформ и тенденций глобализации, затронувших и большинство регионов нашей страны, снизилась общегосударственная идентичность, причем параллельно возникла жесткая идейная конкуренция в регионе Северного Кавказа. В частности, жители региона в 2013 г. идентифицировали себя как представителей всего человечества, западной или восточной цивилизации, мусульманской веры, конкретного этноса или внутриконфессионального сообщества [2]. При стихийном развитии данные идентичности могут составить негативный баланс с общероссийской гражданской идентичностью. В условиях возрождения традиционной культуры в постсоветский период происходит все большая политизация религиозной идентичности вследствие такой же трансформации ислама. Именно данный тип идентичности характерен для этнических групп, члены которых привержены исламу. Согласно анкетному опросу, проведенному На-

учным центром межнациональных и межрелигиозных исследований в 2013 г. по Северо-Кавказскому федеральному округу, к мусульманам себя причисляют 98,6% населения в Ингушетии, в Чеченской республике – 97,2%, в Дагестане – 82,6%, в Карачаево-Черкесии 84,7%, среди населения Кабардино-Балкарии 81,0%, Северной Осетии – 13,1% и 16% населения – в Ставропольском крае [8, с. 17]. В результате в регионе довольно трудно разграничить этническую и конфессиональную идентичность [8, с. 18]. Идентичность на основе религии занимает центральное место в жизни 67,4% респондентов-мусульман, важно для 23,5%, суммарно же значимость в личной жизни ислама и конфессиональной принадлежности отметили 90,9% [8, с. 101]. Среди христиан важной свою конфессиональную принадлежность считают 64,3% [8, с. 102]. Как видно по данным опроса, мусульманская идентичность преобладает над христианской.

Рост исламской идентичности подтверждают материалы и других исследований: на вопрос о групповой идентичности в Чеченской республике 76,4% респондентов ответили, что связывают ее с конфессиональной принадлежностью к исламу, такие же ответы дали 43,8% населения Карачаево-Черкесии, а в Дагестане – 35,2%, в Ставропольском крае – 29,2% и только в Северной Осетии – 18,6% [4, с. 104]. Ответ на вопрос о том, с чем соотносится понятие «Родина» в духе «вся Россия» дали 24,3% респондентов в Чеченской республике, в Ингушетии 32,6%, в Дагестане – 52,4%, в Северной Осетии – 60,0% и в Ставропольском крае – 77,4% [8, с. 104]. Таким образом, риск политизации исламской идентич-

ности возрастает в тех регионах, где доминирует какая-либо одна конфессия и одна этническая группа.

Вместе с тем для сдерживания миграции представителей русского этноса, привносящих элементы своей культуры в социокультуру Северного Кавказа и тем самым сдерживающего рост исламского фундаментализма, принимаются специальные программы. Так, в республике Дагестан была принята государственная программа «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы»¹. Цель программы заключается в привлечении русского населения в регион с обеспечением проживания и рабочих мест. Программа реализуется в один четырехлетний этап с 2014 по 2017 г., общий объем финансирования составит 373,08 млн. рублей. При этом вся нагрузка по реализации Программы возложена на республиканский бюджет, хотя федеральный центр неоднократно заявлял о приоритете стабилизации ситуации на Северном Кавказе, в том числе и о необходимости решения проблем русского населения. Из федерального бюджета помощи на реализацию данной программы пока не запрашивалось.

Идеология радикального ислама, привнесенная на территорию Северного Кавказа в 1990-е гг. из Саудовской Аравии, приобрела в новейший период в Дагестане значительное число сторонников. Некоторые исследователи видят главную причину исламизации Дагестана в том, что ее начало совпало по времени с обвальным снижением

¹ Утверждена Постановлением Правительства Республики Дагестан № 656 от 13 декабря 2013 г.

уровня жизни населения и ростом общей экономической и политической нестабильности, и явилась в условиях идеологического кризиса источником сохранения и поддержания общественной морали в регионе [2, с. 104]. При чем целевой «аудиторией» по внедрению исламистских мифов продолжает оставаться, как правило, молодежь из религиозно консервативных, моноэтнических районов республики, пребывающая на рубеже разных культур (городской и сельской, равнинной и горской) и, таким образом, более болезненно ощущающая свое социальное отчуждение (аномию). Статистика подтверждает факт о значительной доли молодежи (от 15–30 лет) в среде террористического бандподполья республики [17].

Не зная о своих правах или не умея их защищать в рамках формально-правовых институтов, определенная часть дагестанского общества находит выход в ваххабизме. Далее ситуация развивается по известному сценарию – религиозное обоснование, создание вооруженных бандформирований, уход в горы и диверсантская деятельность. Этот феномен, получивший широкое распространение в современном Дагестане, может иметь масштабный характер и в остальных субъектах Северного Кавказа.

Между тем в дагестанском обществе сложились определенные предпосылки для реального, эффективного использования интегративных политических технологий, состоящие прежде всего в активном участии представителей этнических элит в региональном политическом процессе. Следует отметить, что Дагестан является единственной из республик в составе России, не имеющей так называемой «титульной» этниче-

ской группы. Ни один из этносов, входящих в официальную номенклатуру традиционных народностей Дагестана, не составляет большинства. Таким образом, объективно сложившиеся в настоящее время этнические пропорции населения выступают предпосылкой формирования ассоциативных форм политической консолидации элит региона в целях сохранения политической стабильности. Многие эксперты видят трудность решения проблемы религиозно-политического экстремизма в регионе в отсутствии адекватного ответа на его идеологию, а также перспектив выработки альтернативных концептов для того, чтобы переломить ситуацию к лучшему, несмотря на значительное число государственных институтов, создававшихся и функционирующих по сей день в целях решения этой проблемы.

Интересен тот факт, что степень радикализма в конфессиональной исламской идентичности не одинакова в различных внутриконфессиональных течениях. В частности, Совет муфтиев России, который является координатором деятельности Духовных управлений мусульман, принял «Фетву о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны». В ней прямо сказано, что террорист не имеет права считать себя мусульманином [6, с. 23]. В Чеченской республике и в Дагестане основной традиционной формой ислама является суфизм, который делится на тарикаты. Состоящие из вирдов (религиозных братств), суфисты признают светское государство и не отрицают традиционный ислам [6, с. 237].

Другое направление ислама, распространенное, в частности в Ингу-

шении и Северной Осетии, – салафизм, – ставит целью формирование исламского халифата, отрицая светское государство полностью, требует возврата к нормам времен пророка Мухаммада и жизни, нормированной по шариату. Социальная база для распространения салафизма на Северном Кавказе возникла после распада СССР. Далее началось соперничество между суфизмом и салафизмом, а также и в рамках традиционного ислама – между тарикатами и вирдами, обусловленное амбициями лидеров и клановой принадлежностью. Так, в Дагестане насчитывается порядка 18 вирдских братств, а в Чеченской республике и Ингушетии – свыше тридцати таких религиозных объединений [6, с. 237]. Соперничество между направлениями приводит к еще более сильной политизации ислама в регионе Северного Кавказа [6, с. 238].

Согласно опросам 2015 г. в Республике Дагестан, гражданская идентичность составляет только 59%, а конфессиональная – 80%. Обращают на себя внимание указанные респондентами причины, препятствующие формированию общероссийской идентичности, среди которых коррупция местных властей и безработица, которая составляет более 25% [16].

В 2013 г. сотрудниками Грозненского государственного нефтяного технического университета был проведен опрос среди студентов, в ходе которого с утверждением о том, что «самой главной религией в России должен быть ислам» согласилось 77,2% опрошенных [8, с. 87]. В отличие от Дагестана, на территории которого проживает более 60 этносов и народностей, в Чеченской республике с относительно моноэтни-

ным составом населения религиозная идентичность четко соотносится с этнической, и в силу этого осознается как идентичность предписанного типа.

Результаты социологического исследования, проведенного в 2013 г. в Ингушетии, показали примерно равный процент сторонников светского и исламского общества, при этом даже сторонники светского государства отметили, что оно не должно противоречить шариату [8, с. 88].

В таких условиях, когда гражданская идентичность является ослабленной, а преобладают этническая и религиозная, усиливается влияние ислама как наиболее распространенной религии Северного Кавказа на сознание и поведение жителей рассматриваемого нами региона. И если традиционный ислам, который прочно закрепился в культуре северо-кавказских народов, предполагает мирное сосуществование с представителями других этносов, в том числе и с титульной нацией (то есть с русскими), то получающий все большее распространение фундаментализм создает опасность для национальной безопасности России. Именно данное направление ислама служит идеологическим прикрытием для целого ряда движений, бандформирований и террористических группировок, которые могут послужить для определенной части населения региона доступной и удобной формой выражения протестных настроений.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать следующие выводы. Кризис идентичности, спровоцированный распадом СССР, стал благоприятной почвой для формирования и внедрения новых политических проектов и борьбы за власть. В

регионе Северного Кавказа субъектами конструирования религиозной идентичности на основе ислама являются местные административные элиты, имеющие клановую структуру. Религиозная идентичность эксплуатируется элитными кланами с целью политической мобилизации населения в своей борьбе за перераспределение ресурсов во властных структурах.

Политизация религиозной идентичности на основе ислама создает риски национальной безопасности России, в частности, риск дезинтеграции социокультурного пространства региона, риск эскалации конфликтности исламского фундаментализма. Деятельность экстремистских и радикальных организаций провоцирует межэтнические конфликты и создает почву для политических манипуляций правящими кланами на уровне местного политического процесса.

Применительно к Северному Кавказу ведущими факторами политизации ислама можно считать процессы делегитимации секулярного политического уклада, ослабления секулярных государственных институтов и их регулирующих функций, отсутствие конкретных целей и задач развития общества. На этом фоне происходит рост исламской идентичности, на основе которой формируется групповая солидарность и мобилизация, политическое позиционирование радикально настроенной части населения. Социально-экономическая нестабильность создает благоприятные условия для формирования и деятельности религиозных группировок экстремистского направления.

В настоящее время российская общегосударственная идентичность вос-

принимается сообществом мусульман Северного Кавказа фрагментарно, что является результатом этносоциальной неоднородности самой мусульманской уммы. Одни социальные группы, поколения, местные сообщества признают преобладание российской идентичности; другие ставят гражданскую идентичность вровень с кон-

фессиональной; третьи предпочитают иные идентичности (исламскую, этнические, территориальные и др.). Такое разнообразие идентичностей без общегражданской основы становится питательной средой для идей радикального религиозного толка, создавая угрозу национальной безопасности РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 206 с.
2. Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия. Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2013. 276 с.
3. Бурлов В.Г. Парадигма мироустройства и национальная безопасность // Материалы XII Международной научно-методической конференции «Высокие интеллектуальные технологии и генерация знаний в образовании и науке»: 17–18 февраля 2005 г. СПб.: Национальная безопасность, 2005. С. 74–92.
4. Варлы И. ИГИЛ: made in USA! [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.ру [сайт]. URL: <http://inosmi.ru/world/20150603/228376179.html> (дата обращения: 22.10.2016).
5. Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе // Российский институт стратегических исследований. Проблемы национальной стратегии. 2009. № 1. С. 78–93.
6. Жемчураева С.Ш., Ибрагимова Э.М. Этноконфессиональная идентичность и формирование установок толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чеченской Республики // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 25–27 сент. 2014 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 237–241.
7. Зорин В.Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 2. С. 117–126.
8. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т, 2014. 101 с.
9. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: хрестоматия / сост. науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72–88.
10. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 3. С. 35–48.
11. Най Д. Soft power или «мягкая сила» государства // Альманах «Восток». 2006. № 5 (41). С. 30–41.
12. Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 91–102.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Харичкин И.К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России: дис... докт. философ. наук. М., 1999. 357 с.
15. Background Briefing: Why is Russia's North Caucasus region unstable? (By council on foreign relations. Feb. 7, 2014) [Электронный ресурс] // PBS News Hour: [сайт]. URL: <http://www.pbs.org/newshour/rundown/russias-north-caucasus-region/> (дата обращения: 13.11.2016).
16. Bedford S., Souleimanov E.A. Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. Iss. 9. Pp. 1559-1580.
17. Laruelle M. Russia in Decline: How Islam Will Change Russia [Электронный ресурс] // The Jameson foundation: [сайт]. URL: https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/09/Laruelle_-_Russia_in_Decline.pdf (дата обращения: 25.11.2016).
18. Malashenko A. Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Centre: [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/2015/05/13/islamic-challenges-to-russia-from-caucasus-to-volga-and-urals-pub-60334> (дата обращения: 28.11.2016).
19. Petrodaskalaki C. Aspects of Political Islam in the North Caucasus [Электронный ресурс] // Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website. URL: http://cemmis.edu.gr/images/Middle_East_Flashpoints/mefp76.pdf (дата обращения: 24.11.2016).

REFERENCES

1. Abdulagatov Z.M. Osobennosti sotsializatsii sovremennoi molodezhi i sotsial'nye deformatsii v molodezhnoi srede (na primere Respubliki Dagestan) [Peculiarities of socialization of modern youth and social strain among the youth (on the example of Dagestan Republic)]. Makhachkala, IIAE DNTS RAN, 2011. 206 p.
2. Abdurakhmanov D.B., Akaev V.Kh., Daduev M.A. Severnyi Kavkaz: preodolenie faktorov etnopoliticheskoi destabilizatsii i dostizhenie mezhnatsional'nogo soglasiya [The North Caucasus: overcoming factors of ethno-political destabilization and the achievement of the interethnic consent]. Rostov-on-don, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2013. 276 p.
3. Burlov V.G. Paradigma miroustroistva i natsional'naya bezopasnost' [The paradigm of the world order and national security] Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Vysokie intellektual'nye tekhnologii i generatsiya znaniy v obrazovanii i nauke»: 17–18 fevralya 2005 g [Proceedings of XII International scientific-methodological conference "High intellectual technologies and generation of knowledge in science and education": 17 and 18 February 2005]. St. Petersburg, Natsional'naya bezopasnost', 2005, pp. 74–92.
4. Varly I. IGIL: made in USA! [Elektronnyi resurs] [ISIL: made in USA! [Electronic source]] INOSMI.ru [sait]. [The New York Times.ru [website]]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20150603/228376179.html> (accessed: 22.10.2016).
5. Dobaev I.P. Sovremenniy terrorism na Severnom Kavkaze [Modern terrorism in the North Caucasus]. In: *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. Problemy natsional'noi strategii*, 2009, no. 1, pp. 78–93.
6. Zhemchuraeva S.Sh., Ibragimova E.M. Etnokonfessional'naya identichnost' i formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i povedeniya studencheskoi molodezhi Chechenskoi Respubliki [Ethno-religious identity and the formation of tolerant consciousness and behavior of students of the Chechen Republic] Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., 25–27 sent. 2014 g. [The positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: proceedings of

- the scientific.-pract. conf. 25-27 Sept. 2014]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani, 2014, pp. 237–241.
7. Zorin V.Yu. Musul'mane Rossii: realii formirovaniya grazhdanskoi identichnosti [The Muslims of Russia: realities of civic identity formation]. In: *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*, 2016, Tom 12 [Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2016, Vol. 12], no. 2, pp. 117–126.
 8. Molodezh' v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: ekspertnyi doklad [Youth in the multiethnic regions of the North Caucasus Federal district: expert report]. Pyatigorsk, Pyatigorskii gos. lingvist. in-t, 2014. 101 p.
 9. Morgentau G. Politicheskie otnosheniya mezhdru natsiyami: bor'ba za vlast' i mir [Political relations among Nations: the struggle for power and peace] Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: khrestomatiya, sost. nauch. red. i komment. P.A. Tsygankova [Theory of international relations: a reader, comp. scientific. ed. and comment. P. A. Tsygankov]. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 72–88.
 10. Mchedlova M.M., Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. Rossiiskaya identichnost': patriotizm, gosudarstvo, religiozno-mirovozzrencheskii faktor [Russian identity: patriotism, government, the religio-ideological factor]. In: *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*. 2015. Tom 11 [Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2015, Vol. 11], no. 3, pp. 35–48.
 11. Nai D. Soft power ili «myagkaya sila» gosudarstva [Soft power or the “soft power” of the state]. In: *Al'manakh «Vostok»*, 2006, no. 5 (41), pp. 30–41.
 12. Semenenko I.S. Natsiya, natsionalizm, natsional'naya identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa [Nation, nationalism, national identity: new perspectives in the academic discourse]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. Tom 59 [World economy and international relations. 2015. Vol. 59], no. 11, pp. 91–102.
 13. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii [The clash of civilizations]. Moscow, AST, 2003. 603 p.
 14. Kharichkin I.K. Politicheskaya elita i ee rol' v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossii: dis. ... dokt. filosof. nauk [The political elite and its role in ensuring the national security of Russia: thesis.... doct. philosoph. sciences]. Moscow, 1999. 357 p.
 15. Background Briefing: Why is Russia's North Caucasus region unstable? (By council on foreign relations. Feb. 7, 2014) [Background Briefing: Why is Russia] PBS News Hour: website. [PBS News Hour: website]. Available at: <http://www.pbs.org/newshour/runtdown/russias-north-caucasus-region/> (accessed: 13.11.2016).
 16. Bedford S., Souleimanov E.A. Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus [Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus] *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37, Iss. 9 [Third World Quarterly, 2016, Vol. 37, Iss. 9], pp. 1559–1580.
 17. Laruelle M. Russia in Decline: How Islam Will Change Russia [Russia in Decline: How Islam Will Change Russia] The Jameson foundation: website. [The Jameson foundation: website.]. Available at: https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/09/Laruelle_-_Russia_in_Decline.pdf (accessed: 25.11.2016).
 18. Malashenko A. Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals [Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals] Carnegie Moscow Centre: website [Carnegie Moscow Centre: website.]. Available at: <http://carnegie.ru/2015/05/13/islamic-challenges-to-russia-from-caucasus-to-volga-and-urals-pub-60334> (accessed: 28.11.2016).
 19. Petrodaskalaki C. Aspects of Political Islam in the North Caucasus [Aspects of Political Is-

lam in the North Caucasus] Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website. [Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website]. Available at: http://cemmis.edu.gr/images/Middle_East_Flashpoints/mefp76.pdf (accessed: 24.11.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлов Алексей Павлович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: alex427247518@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Kozlov – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: alex427247518@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козлов А.П. Политические проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в регионе Северного Кавказа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 129–140. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Kozlov. Political problems of ensuring national security of the Russian Federation in the North Caucasus. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 129–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140